

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Л49

Peter Lerangis

MAX TILT: FIRE THE DEPTHS

Text copyright © 2017 by HarperCollins Publishers

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of Harper Publishers

Леранжис, Питер.

Л49 Огонь из бездны / Питер Леранжис ; [пер. с англ. В.С. Сергеевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Макс Тилт. По следам Жюль Верна).

ISBN 978-5-04-099844-9

Питер Леранжис — всемирно известный писатель, автор более ста семидесяти книг, которые были переведены на тридцать языков и проданы более чем шестью миллионами экземпляров!

У 13-летнего Макса Тилта миллион проблем. Одноклассники дразнят, мама болеет, папа никак не может найти работу и их вот-вот выставят из дома за неуплату счетов... Но неожиданно Макс и его кузина Алекс находят на пыльном чердаке рукопись «Утраченное сокровище» самого Жюль Верна! Оказывается, Верн — пра-пра-пра-прадедушка Макса. А в «Утраченном сокровище» зашифрованы подсказки, которые приведут к... утраченному сокровищу! И Макс и Алекс отправляются в опасное путешествие, ведь старинный клад — это целое состояние, которое так нужно сейчас Максу... Ребята даже не подозревают, что им предстоит столкнуться с опасными преступниками, побывать на краю Земли, найти затерянный подводный город и чудом уцелеть в гигантском водовороте!

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Сергеева В.С., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099844-9

**МЫ ВСЕ, ТАК ИЛИ ИНАЧЕ,
ДЕТИ ЖЮЛЯ ВЕРНА.**

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ПОКА РОДИТЕЛИ не уехали и не оставили его одного, Макс Тилт думал, что жизнь, в общем, прекрасна. Он приделал к дрону клешни, выучил статистику игр «Цинциннати Редс» вплоть до 1968 года и целых тринадцать дней не чувствовал запаха рыбы. Тринадцать дней назад кто-то в школе дёрнул его за трусы. По какой-то причине, неизвестной современной науке, Макс чувствовал запах рыбы, когда пугался.

Но всё изменилось в то июньское утро, когда он решил опробовать дрон. В его спальне было абсолютно чисто, в туалете тоже, а родители, сидящие внизу на кухне, понятия не имели, что на них го-

товится нападение с воздуха. Он просто хотел их удивить — заставить дрон схватить со стола салфетку, или ложку, или коробку с хлопьями.

Дрон, который Макс собрал сам и назвал Стервятникон, имел вид смертоносного тарантула. Используя пульт управления, Макс мог заставить дрон резко опуститься, ухватить, поднять предмет весом до десяти фунтов и крикнуть «кавабанга!» — «ура!». Тарантулы вообще-то этого не кричат — и дроны тоже, — но именно поэтому Макс нравился его Стервятникон.

Пока дрон стоял на зарядке, Макс прислушивался к голосам мамы и папы. В основном, как обычно, говорил папа. Мама стала очень молчаливой с тех пор, как решила взять на полгода отпуск в школе. А ещё она много спала. И это удивляло Макса, потому что мама всегда была такой энергичной. Они однажды потратили целые выходные на то, чтобы нарисовать на потолке у него в комнате огромную радугу. Её защищали три летающих динозавра — Макс собрал их из специальных наборов: красный рамфоринх, пернатый археоптерикс и чешуйчатый птеранодон. Ещё Макс и мама написали на потолке «Каждый цвет — особый». Макс вспоминал об этом каждый раз, когда кто-нибудь говорил, что у него «особенности». Они заклю-

ОГОНЬ ИЗ БЕЗДНЫ

чались в его опрятности, любви к фактам, в том, как он общался с людьми. Он смирился с тем, что «быть особым» — это всё равно что быть бракованным, но ведь радуга бракованной не бывает. Она прекрасна и совершенна. И поднимала ему настроение каждый раз, когда Макс на неё смотрел.

Примерно тысячу раз в день.

Он взял в руки пульт. Стервятникон поднялся со стола, тихо жужжа четырьмя моторами, и листки с домашним заданием спорхнули на пол. Макс нажал на паузу и быстро подобрал их, не забыв разгладить уголки, прежде чем вернуться к своей миссии.

Дрон вылетел из спальни, и Макс последовал за ним — по коридору на площадку второго этажа. Оттуда ему была видна большая гостиная внизу. Там на креслах и кушетке валялись бумаги. Папа любил говорить, что в отношении чистоты они с мамой находятся в инфракрасном конце спектра, а он, Макс, в ультрафиолетовом. Иными словами, Макс был чистюлей, а они неряхами. Это был факт, а Макс любил факты. Пусть даже, во-первых, он ненавидел беспорядок, а во-вторых, не имел отношения к ультрафиолетовому цвету.

Вниз. Налево.

ПИТЕР ЛЕРАНЖИС

Дрон нырнул под лестницу и скрылся из виду. Когда он влетел в кухню, папин голос оборвался. Звякнул тостер. Стервятникон произнёс:

— Кавабанга! Вперёд!

И мама завопила во всё горло.

Макс от испуга чуть не упал с лестницы. Мама никогда так не кричала. Она была писательницей. Она сочинила детектив с убийством. Ей нравились приколы и сюрпризы.

И, когда папа выскочил в прихожую, задрал голову и посмотрел на Макса, мама по-прежнему сидела на кухне и плакала.

Макс понял, что сделал что-то очень сильно не то. Но он никак не мог понять, что именно. Он думал, папа сейчас крикнет на него. Но папа не крикнул. Он произнёс строгим, но странно тихим голосом:

— Максимилиан, пожалуйста, зайди на кухню. Нам надо кое-что обсудить.

Папа никогда не называл его Максимилиан. Хотя по правде сказать, это было полное имя Макса.

Макс спустился. Рыбой пахло так сильно, как будто он нырнул в океан.

— **ФИКС?** — обратился к вошедшему мужчина за столом.

И всё. Ни здравствуйте, ни добро пожаловать, ни предложения выпить или перекусить, ни рукопожатия. Ни поднять глаза из правил приличия.

Спенсер Ниманд не удостоил грубияна ответом. В нормальной ситуации люди сами умоляли его о внимании. В нормальной ситуации он не вышел бы из своего офиса в одиночку по звонку какого-то там вора. Даже такого богатого, как этот толстяк за столом.

Но то, что происходило, не было нормальной ситуацией.

Покупка и продажа краденого на чёрном рынке — не для трусов. А Спенсер Ниманд не был трусом.

— Что это за фамилия — Фикс? — спросил мужчина после долгого молчания.

Наконец он поднял голову. Несмотря на полумрак, на нём были солнечные очки. По бокам стояли ещё двое мужчин — их покрытые шрамами лица и могучие плечи намекали на долгие часы, проведённые в тюремном спортзале.

— Фальшивая, — ответил Спенсер Ниманд.

— Мы здесь фальшивками не занимаемся, — предупредил его мужчина.

Он толкнул через стол к Ниманду толстый, пухлый конверт.

Когда Ниманд протянул к нему руку, один из громил схватил его за запястье.

Ниманд вывернулся, выхватил нож из кармана и ударил. Громила отдернул руку, и лезвие воткнулось в столешницу.

— Я промахнулся намеренно, — произнёс Ниманд. — Считаю, тебе повезло.

Охранники потянулись за пистолетами, но их босс поднял руку.

— Мои люди говорят только на одном языке, Фикс. Он предполагает не слова, а действия. Я пе-

реведу. Они хотят сказать следующее: можете взглянуть в конверт, но сначала нам нужны деньги.

Жадные.

Мерзкие.

Ниманд невольно усмехнулся, глядя на этих негодяев. Он достал из кармана пачку банкнот и бросил её на стол.

— Для вас только деньги имеют смысл...

— Ну а о чём ещё стоит думать? — Толстяк пересчитывал купюры.

— О жизни, — ответил Ниманд. — О будущем планеты.

Толстяк откинул голову назад и расхохотался. Двое громил неуверенно посмотрели друг на друга и тоже засмеялись.

Правой рукой Ниманд схватил конверт. Левую он держал в кармане. Нечего им было знать, что у него не хватало мизинца. Лишняя примета. Старый добрый Поцелуйчик, которого он лишился в результате несчастного случая. Его гипсовая копия висела у Ниманда на шее, на серебряной цепочке. Этого им тоже не нужно было видеть...

Перевернув конверт, он вытряс содержимое на стол.

Билет на «Титаник» — для человека на фамилию Этцель. Рассыпающийся лист бумаги — спи-

сок пассажиров на английском. Книжка в кожаном переплёте под названием «*Vingt milles lieues sous les mers*». Пачка исписанных по-французски листков.

Хотя Ниманд не любил улыбаться, его губы слегка устремились вверх. Возможно, он нашёл именно то, что искал. Жаль, что он так и не выучил французский как следует. Этим будут заниматься его люди. Переводчики, которым он доверял.

— Заметки, — сказал толстяк. — Очень интересные.

Ниманд почувствовал, как у него забилося сердце.

— Вы их читали?

Толстяк хихикнул.

— Я не такой тупой, каким кажусь. Je parle. Это значит, что я говорю по...

— Я в курсе, что это значит, — огрызнулся Ниманд. — Но вы заверили меня, что этот материал никто и никогда не изучал.

— Только я, — ответил толстяк и указал на своих громил. — А эти двое — нет. Они и на английском-то не читают. В тот день, когда в первом классе проходили алфавит, они прогуляли школу.

— Не, — возразил один. — Надзиратели у нас были чёткие.

Ниманд почувствовал, что у него щиплет глаза. Он собрал всё в конверт, кивнул как можно дружелюбнее и развернулся к выходу.

— Попутного ветра! Желая не получить дверь под зад! — крикнул вдогонку толстяк.

Громилы тупо заржали. Их смех походил на ослиный рёв.

Невежество и грубость этих людей были на руку Ниманду. Тем проще было сделать то, что предстояло.

В конце концов, секрет должен оставаться секретом.

Ниманд толкнул правой рукой дверь, а левой достал из кармана мягкое зелёное вещество, похожее на пластилин. Он вдавил в него крохотный датчик и расправил три прикреплённых к нему проводка. Эта штучка была такой маленькой... Ниманду до сих пор не верилось, что она способна стереть с лица земли целый дом. Разумеется, если её правильно активировать.

А Ниманд знал всё о том, как это сделать.

Он прилепил устройство к стене под выключателем, уже не опасаясь, что его четырёхпалая рука оказалась на виду.

Выйдя на улицу, он закрыл за собой дверь.